

Глава 1

В ДОМЕ НАПРОТИВ

Он ненавидел этот дом, и эту квартиру, и эту комнату, и кухню, и ванную с туалетом. И коридор он тоже ненавидел. И грязную лестничную площадку, и вонючий подъезд, и шербатые ступени, и ободранные перила. Все это было так не похоже на то, к чему он привык. Конечно, утешало то, что здесь он ненадолго, во всяком случае, не навсегда, это уж точно. Но все равно он ненавидел и квартиру в целом, и каждую мелочь в ней, и эта ненависть душила его и мешала спать. Каждое утро он просыпался ни свет ни заря, задолго до треска будильника, наспех умывался, завтракал — сам, даже мать не будил — и убегал в институт. И куда только девалась его любовь поспать подольше! На все готов, лишь бы побыстрее уйти отсюда.

Он и из института приходил бы поздно вечером, но родители не поймут. И не простят. Он нужен дома. Он это понимал. Он нужен отцу, маме, нужен своему брату, который все еще в больнице и неизвестно когда оттуда выйдет. Есть ненависть, которая не дает дышать. И есть чувство долга перед близкими и любовь к ним, которая заставляет делать вдох, выдох и жить дальше. Жить здесь, в этой квартире, пропитанной чужим духом — духом бедности, беспробудного пьянства и беспроектного

горя. Вообще-то он не знал людей, которые жили здесь прежде, но отчего-то был уверен, что непременно были и пьянство, и горе, и скандалы. Тот, кто живет в ТАКОЙ квартире и в ТАКОМ доме, просто не может быть счастливым.

Матери повезло, она нашла работу в какой-то фирмочке, крохотной, но все-таки с зарплатами повыше государственных, а в свободное время еще по ученикам бегают, натаскивает их по немецкому языку. Дома почти не бывает, даже в выходные у нее уроки, так что ей все равно, в какой квартире жить, она здесь только душ принимает и спит. А вот отец проводит в этой дыре целые дни. И как он выдерживает?

Допил чай, стал засовывать в сумку учебники и тетради и снова, как и каждый день, натолкнулся на мысль: а что было бы, если бы он поступал в другой институт? Не в экономический, а в технологический, вместе с братом-близнецом? Как бы тогда все сложилось? Так же или по-другому? Они, совершенно непохожие друг на друга, всю жизнь были вместе, впервые расстались только на вступительных экзаменах, потому что выбрали для себя разные вузы. Костя, плечистый и сильный, всегда защищал более хрупкого и нежного Вадика, опекал его и вел себя как старший, хотя старшинство его исчислялось всего несколькими минутами. Они и по характеру различались: Костя решительный и жесткий, а Вадик обидчивый, сентиментальный и доверчивый, как девочка. Костя был уверен, что без него братишка пропадет. Так и вышло... И каждое утро, собирая учебники, Костя корил себя за то, что не плюнул на экономику и не подал документы в тот институт, куда поступал Вадик. Как он мог оставить брата одного, без помощи и поддержки? В том, что случилось, есть и его ви-

на, Костина, и теперь нужно сделать все возможное, чтобы ее искупить. Поэтому никаких гулянок с сокурсниками, никаких девочек, ночных клубов и интернет-кафе, после занятий сразу домой, помогать отцу. Вечером — к Вадьке в больницу, отвезти ему книги, развлечь общим трепом и снова назад, в эту ненавистную квартиру, в этот ненавистный дом, стоящий на этой ненавистной улице.

НИКА

Девочка Элли из «Волшебника Изумрудного города» шла к своей цели по дороге, вымощенной желтым кирпичом. Интересно, какими булыжниками выложена дорога, по которой иду я, Ника Кадырова? Некоторое время назад мне казалось, что под ногами симпатиченькая тротуарная плитка и по ней я легким прогулочным шагом под ручку с любимым мужем дошагаю до спокойной размеренной жизни, которую ведет замужняя дама, уверенная в завтрашнем дне. Теперь, однако, меня одолевают сомнения. Да что там сомнения — никаких сомнений уже нет, есть горькое понимание того, что меня столкнули в канаву, и как я буду из нее выбираться — никого не интересует.

Мой муж Олег меня бросил. Вот так просто и банально... После шести лет жизни в гражданском браке он уговорил-таки меня расписаться, а спустя еще несколько месяцев ушел к другой женщине. В принципе, ситуация типичная, ничего особенного, тысячи женщин остаются одни именно так: неожиданно и после долгих лет жизни в любви и согласии. Но в моем случае имелись некоторые нюансы.

Нюанс первый: для меня уход Олега был не-

ожиданностью в самом прямом смысле этого слова, я не кривлю душой и не пытаюсь обманывать саму себя. Когда у мужа появляется другая женщина, существуют сотни признаков, как мелких, так и весьма заметных, по которым даже не очень внимательная жена может заподозрить неладное. Ну что я вам рассказываю? Будто сами не знаете... У меня не было возможности ничего заметить, потому что меня не было в Москве. На протяжении пяти месяцев я находилась в Ташкенте, где выхаживала свекра после инфаркта. Я очень люблю родителей Олега, они чудесные старики, и, конечно, когда свекор заболел, Олег тут же отправил меня к нему. А кого же еще посылать к тяжелобольному старику? Только Нику, которая, во-первых, врач и, во-вторых, все равно не работает, так что отпрашиваться у начальства или брать отпуск за свой счет ей не нужно.

Старика я выходила. И, вернувшись в Москву, в первый же вечер услышала радостную новость о том, что мы с Олегом больше не будем жить вместе. Выложенная тротуарной плиткой дорожка оборвалась неожиданно, и о том, что она упирается в канаву, меня не предупредили. Вот я и шагнула...

Нюанс второй: я не являюсь полноценной гражданкой России. У меня узбекский паспорт и справка из российского посольства в Узбекистане о том, что я оформляла российское гражданство. И никому почему-то не интересно было вникать в то, что российский паспорт мне в Ташкенте не выдали, потому что бланков не было. Их не было довольно долго, почти год, а потом я продала свою ташкентскую квартиру, и мы с Олегом переехали в Москву, куда его давно звали друзья. С его специальностью в Москве можно было устроиться на интересную и прилично оплачиваемую работу, в

Ташкенте же перспектив не было никаких. И мы уехали. Олег со своим замечательным российским паспортом, который он успел оформить, когда бланки еще были, сразу нашел работу, и зарплата у него была такая, что можно было не дергаться по поводу моего трудоустройства. Мы снимали квартиру, наша хозяйка — дай ей бог здоровья — зарегистрировала нас по своему адресу, и я сидела дома и варила Олегу борщи. А чем еще я могла заняться без российского паспорта и без прописки?

И вот когда на меня рухнуло известие о неземной любви моего мужа, я с тем и осталась: с отсутствием паспорта, с отсутствием прописки и с отсутствием средств к существованию. Платить за жилье мне нечем, поскольку нет работы и зарплаты, а работы нет, поскольку нет прописки и паспорта. Мой узбекский паспорт никому в Москве оказался не нужен, да и справка из посольства отчего-то ни у кого энтузиазма не вызывала. Более того, когда я еще не осознала всей глубины канавы, в которую шмякнулась, я предпринимала довольно неловкие попытки подняться и вылезти с наименьшими потерями, кинувшись в паспортный стол с вопросом о том, как мне оформить паспорт. Меня подняли на смех, а справочку мою назвали филькиной грамотой, к тому же недействительной. Более вразумительного ответа я не получила. Зато получила ценный совет, выцезенный сквозь зубы паспортисткой в перманенте: купить квартиру, получить прописку, тогда, может быть, и справку примут во внимание, и паспорт дадут.

Да, моя канавка оказалась куда глубже, чем я предполагала. Наивная... Я-то думала: получу паспорт, устраюсь на работу, все-таки я много лет проработала на «Скорой помощи», и с трудоустройством проблем не будет. Сниму какое-нибудь

сверхдешевое жилье вроде комнаты в коммуналке в ветхом доме. И начну заново выстраивать свою жизнь, потихоньку, маленькими шажочками. Ан нет, Вероника Амировна, обломалось вам.

Сидела я в своей грязной глубокой канаве и озиралась по сторонам в поисках тропинки, по которой мне придется ползти дальше. Тропинка первая — вернуться в Ташкент, хотя квартиру я продала и жить мне там негде, но зато на работу возьмут без вопросов. Тропинка вторая — остаться в России и попытаться как-то выкрутиться. Но как?

Смехотворность ситуации заключалась еще и в том, что если для москвичей, равно как и для жителей любого другого российского города, я была и есть «приезжая нацменка» Вероника Амировна Кадырова, несмотря на типично славянскую внешность, то для узбеков я была и останусь русской, несмотря на узбекский паспорт. Был в моей жизни момент, когда можно было пойти по одной из двух дорог. По рождению я Вероника Андреевна Мельникова, так было записано в свидетельстве о рождении, и родители мои были русскими. Когда мне было шесть лет, мама вышла замуж второй раз, и отчим-узбек меня удочерил. Меня, само собой, никто не спрашивал, да если бы и спросили, вряд ли я смогла бы дать осмысленный ответ, ведь своего родного отца я не знала и никогда не видела. Мне сменили документы, и я превратилась в Веронику Амировну Кадырову. Дорогу за меня выбрали взрослые, я могла остаться Мельниковой, но они решили, что лучше пусть я буду Кадыровой. И вот эта выбранная ими дорога привела меня к тому, к чему привела. Я, в общем-то, понимаю ту паспортистку в перманенте: стоит перед ней тетка с отчеством Амировна и с фамилией Кадырова и утверждает, что она русская и у нее есть российское гра-

жданство. Ну как тут поверить? Ясное дело, что справка о гражданстве липовая. И никаких документов о том, что по рождению я Мельникова, у меня, естественно, нет.

Правда, дорога, проложенная мамой и отчимом, привела меня к Олегу, которого я очень любила и с которым была счастлива, а если бы я осталась Мельниковой, то неизвестно, как сложилась бы моя жизнь. Может, лучше. А может, и хуже. Нам знать не дано.

Потом был еще один момент, когда я могла принять решение и выбрать одну из двух дорог. Это была регистрация нашего с Олегом брака. Можно было сменить фамилию и стать Вероникой Седых. Можно было остаться Кадыровой. И почему я не взяла фамилию мужа? Все-таки легче было бы. Паспорт у меня был бы по-прежнему узбекским, но хоть фамилия была бы в нем русская. Впрочем, еще неизвестно, куда меня привела бы та невыбранная дорога. Возможно, канава, в которой я очутилась, оказалась бы еще глубже и грязнее. Нам знать не дано.

Я вообще люблю эту тему — тему дорог, которые мы выбираем. Началось все давно, когда мне было лет семь или восемь. Мама нарядила меня в красивое платьице, повязала в волосах роскошный бант и повела в театр на детский спектакль. Как я ждала этого дня! И вот дождалась. Мы, такие нарядные и радостные, вышагиваем в театр. А навстречу, как назло, топал мой заклятый враг одноклассник Мишка. Я успела заметить взгляд, который он кинул сначала на мое чудесное платьице, потом на лужу... Это уже потом, много лет спустя, у меня выработалась мгновенная реакция, без которой на «Скорой помощи» просто нечего делать, а тогда я ничего не успела предпринять, и через ка-

кую-то секунду мое восхитительное голубое платье пришло в такой вид, что ни о каком театре не могло быть и речи. Я редела во весь голос, мне было не только обидно оттого, что я не увижу спектакль, но и отчаянно стыдно, потому что люди оглядывались на меня и, наверное, думали, что я нищая замарашка. Я попросила маму отвести меня домой за коулками. Мама искренне жалела меня и старалась утешить, как могла.

— Смотри, Ника, какие красивые цветы, — сказала она, показывая мне желто-фиолетовые ирисы, росшие за забором в чьем-то садике.

Я тут же забыла о своем горе и уставилась на это чудо. Прежде я никогда не видела ирисы, и цветы показались мне просто волшебными.

— Если бы мы с тобой не пошли по этой улице, — продолжала мама, — ты бы не увидела эти сказочные цветы. А мы ни за что не пошли бы по этой улице, если бы Миша не испортил твоё платье. Так что давай не будем на него сердиться, лучше скажем ему спасибо.

— Если бы он не испортил платье, я бы сейчас смотрела спектакль, — возразила я, все еще всхлипывая.

— Мы можем пойти в театр в следующее воскресенье, но ты никогда не оказалась бы на этой улице и не увидела бы ирисы, если бы не Миша. Понимаешь?

Как ни странно, я поняла. И с тех пор все события в своей жизни, даже самые малозначительные, обдумывала и оценивала с точки зрения дороги, по которой меня вынуждали идти эти события. Вся человеческая жизнь представлялась мне в виде постоянно разветвляющихся тропинок, и на каждой развилке — момент принятия решения, момент выбора, порой совсем простого и очевидного, по-

рой сложного и мучительного, а порой и просто по принципу «чет-нечет», потому что совершенно неясно, каковы будут последствия того или иного выбора, ты ничего не можешь спрогнозировать и принимаешь решение наугад. Это как в преферансе, когда противник играет мизер и ты знаешь, что при раздаче и после взятия прикупа у него оказались три ловленные карты. Две он снес, одну оставил, но какую? Угадаешь, какую карту он оставил, — заставишь его взять взятку, а то и целый «паровоз», не угадаешь — он эту карту снесет и сыграет свой мизер. И вот начинаешь вдвоем с партнером гадать, что же именно игрок снес, а что оставил. Бывает, что помогает логика. А бывает, что и нет. И приходится просто гадать, как монетку подбрасывать.

Но это так, к слову. Экскурс в детство. Сейчас я уже взрослая, мне тридцать шесть лет, и сижу я в своей неуютной канаве и гадаю, то ли в Москве остаться, то ли в Ташкент возвращаться. И в том, и в другом решении есть свои плюсы и огромное количество минусов. А времени для принятия решения все меньше и меньше, через два месяца закончится срок последней полугодовой регистрации по адресу моей квартирной хозяйки. Хорошо хоть у Олега совести хватило заплатить ей за два месяца вперед, чтобы у меня было время на разгон. Но разгоняться можно только по дороге или, на худой конец, по тропинке, сидя в канаве, не больно-то разгонишься.

После месяца беготни по инстанциям с подъемом в четыре утра, чтобы в пять уже занять очередь, оказаться тысяча триста пятнадцатой и к концу рабочего дня убедиться, что тебя не примут или в очередной раз откажут, я поняла, что с паспортом и гражданством мне никак не прорваться. Надо было искать какой-то другой путь. И мне по-

казалось, что я его нашла. По крайней мере, теоретически.

Мне нужно устроиться домработницей с проживанием. Тогда будет крыша над головой и зарплата. А если будет место, где спать, и деньги, чтобы жить, можно постепенно решать вопрос с оформлением своего гражданского статуса. Но для этого надо найти семью, где не будут обращать внимание на неопределенность этого самого статуса и на отсутствие российских документов. Идея показалась мне совершенно гениальной, и я утвердилась в своем мнении, взяв газету «Из рук в руки» и обнаружив не менее десятка объявлений о том, что требуется «помощница по хозяйству с проживанием к больному человеку». К больному! А я врач. Конечно же, у меня есть все шансы быть нанятой на такую работу.

Но меня ждало разочарование. И какое! Оказывается, великорусские шовинисты сидят не только в паспортных столах и миграционных службах.

— Как вас зовут? — доброжелательно спросили меня, когда я позвонила по первому из отчеркнутых в газете номеров.

— Вероника.

— А полностью?

— Ну что вы, можно просто Вероника, — глупо ответила я, потому что выяснилось, что истинный мотив вопроса остался мною не угадан.

— Назовите имя полностью, — голос в трубке заметно посуровел.

— Вероника Амировна Кадырова.

— Извините, вы нам не подходите.

Вот так. Но я еще тешила себя надеждой, что случайно нарвалась на людей, предпочитающих русскую домработницу. После восьмого звонка стало понятно, что ничего случайного тут не было.

Из восьми телефонных разговоров в двух меня напрямую назвали «нацменкой», а в одном, услышав мою фамилию вместе с отчеством, заявили:

— Да вы с ума сошли! И не звоните сюда больше.

В одной семье, кажется, пятой по счету, благоклонно выслушали мой послужной список и вежливо поинтересовались, почему это медик с высшим образованием ищет такую малопrestiжную работу. Врать я не стала. Какой смысл говорить неправду? Если я совру и меня возьмут, то все равно придется показывать документы, и уж тут-то меня сразу выпрут пинком под зад. Если не за отсутствие статуса, то за вранье.

— Жаль, — вздохнула женщина на том конце провода, — а я уж было обрадовалась, что нашла человека для нашей бабушки.

Мне тоже было жаль. Ну ничего, на следующей неделе выйдет новый выпуск «Из рук в руки», там тоже будут объявления, и, может быть, мне повезет.

Следующий выпуск газеты меня ошарашил. Из двенадцати объявлений о помощницах по хозяйству с проживанием девять оказались теми же, что и в предыдущей газете. По этим номерам я уже звонила. Мне как-то в голову не приходило, что объявления повторяются из номера в номер на протяжении длительного времени. На звонки по оставшимся трем новым номерам ушло около часа. Результат оказался вполне прогнозируемым, женщина с узбекским именем и узбекским паспортом нужна не была. До следующего выпуска газеты, в котором может оказаться хотя бы один новый номер телефона, оставалась неделя. А до момента, когда мне придется освободить квартиру, этих недель оставалось всего три.

Разумеется, я пыталась решить свою проблему через фирмы, которые как раз и занимаются пре-

доставлением населению услуг сиделок и домработниц, но ни в одной из них со мной даже разговаривать не стали. Они работают только с теми, у кого есть московская прописка или хотя бы российский паспорт с регистрацией в любом российском городе.

Ну что ж, у меня была целая неделя на экспериментирование, ведь я врач «Скорой помощи», и у меня никогда не опускаются руки, пока есть хоть малейшая надежда. И если у больного нет денег, чтобы купить нужное лекарство, я напрягусь и придумаю, чем его заменить.

Целый день я красивым четким почерком писала объявления. Еще день был потрачен на то, чтобы расклеить их по всему городу. Я вышла из дома в шесть утра и вернулась в десять вечера, и мне казалось, что я целиком состою из двух огромных отекающих ног, над которыми взгромоздился невероятных размеров желудок, истошно вопящий от голода. Теперь оставалось сидеть у телефона и ждать. Ждать нового выпуска газеты или реакции на мои объявления.

Газета вышла, в ней оказались четыре новых номера, но люди, отвечавшие по этим номерам, были все теми же: они не хотели иметь дело с приезжей «нацменкой» без прописки. И почему-то никто мне не звонил.

Миновала еще неделя, и мне пришло в голову, что нужно не мучиться принятием решения о выборе тропинки, а предоставить это судьбе. Если ей захочется, чтобы я осталась в Москве, за оставшиеся две недели она пошлет мне работодателей. Если она этого не захочет, то работу я не найду и через две недели вернусь в Ташкент. Говорят же, что судьба помогает тем, кто идет правильной дорогой. Вот я и узнаю, какая из двух дорог правильная.

За два дня до истечения срока аренды квартиры раздался звонок.

— Вероника?

Голос был женским и незнакомым, значит, по объявлению. Неужели?..

— Да, я вас слушаю.

— Вы давали объявление...

— Да-да, — торопливо подхватила я. — Все правильно, это я.

— Скажите, вы действительно врач?

— Да, я могу предъявить диплом и документы о квалификации. И трудовую книжку. Я работала на «Скорой помощи».

— А почему вас не устраивает работа в медицинском учреждении?

— Видите ли... Не буду скрывать, меня бросил муж, и мне негде жить. Устроиться домработницей с проживанием — мой единственный шанс выбраться из той ситуации, в которую я попала.

— Вы что, рассчитываете до конца своих дней прожить в чужой семье? — В голосе незнакомки явственно слышалась насмешка.

— Нет, я рассчитываю скопить денег на то, чтобы купить себе квартиру. Я умею жить экономно и на роскошное жилье не претендую, меня вполне устроит дальнейшее Подмосковье, там жилье дешевое, я узнавала.

— Вы прописаны в Москве?

Ну конечно, а как же иначе. Разве могло обойтись без этого вопроса, от которого у меня делаются судороги в волосах. Но врать нельзя.

— Нет.

— А где вы прописаны? Вы приезжая?

— Я из Ташкента. Русская из Ташкента. Мы с мужем снимали квартиру, но теперь он живет с другой женщиной, и мне нечем платить за жилье.

А поскольку у меня нет прописки, устроиться на работу по специальности я не могу.

— Вы давно живете в Москве?

— Четыре года.

— И где работали все это время?

— Нигде. Муж хорошо зарабатывал. Да меня никуда и не взяли бы без прописки.

Сейчас она спросит меня про фамилию, и на этом мероприятие можно будет считать завершенным. Господи, как мне это надоело!

— Пятьсот долларов в месяц вас устроит?

Ну вот, судьба сделала выбор. Вернее, дала мне понять, какое из двух решений для нее предпочтительнее. Она хочет, чтобы я осталась. Ну что крикнуть душой, я ведь тоже этого хочу. Сказать честно, почему? Не потому, что мне так уж безумно не хочется возвращаться в Ташкент. А потому, что я все еще надеюсь: Олег вернется. Он ведь не попросил у меня развод, он просто сказал, что полюбил другую и уходит к ней. А вдруг это временное помрачение рассудка, которое случается с каждым мужиком в интервале от сорока до пятидесяти? Это так и называется: кризис среднего возраста. Помрачение пройдет, и он вернется. И нужно, чтобы я была в Москве в тот момент, когда он захочет меня увидеть.

Судьба оставляла меня в Москве, и в тот момент для меня это выглядело предупреждением и обещанием: жди, он вернется.

НА СОСЕДНЕЙ УЛИЦЕ

— Я запрещаю тебе так говорить о моем муже!

Напрасно она это сказала, ох, напрасно. Глупая, не понимает, что ему никто ничего не может запретить. Никто не имеет права своей властью за-

прещать лично ему что бы то ни было. Почему люди такие тупые? Почему они не понимают самых элементарных вещей?

Игорь молча распахнул входную дверь, снял с вешалки шелковый плащ и подал стоящей перед ним женщине.

— Я не хочу тебя видеть, — спокойно произнес он. — Уходи и больше не возвращайся.

— Игорь... — растерянно пробормотала она. — Игорь, ты что? Ты рассердился?

— Нет. Я просто не хочу тебя больше видеть. Уходи, — повторил он все так же спокойно.

— Но, Игоречек, это же глупо... Ты что, ревнуешь меня к мужу?

Она попыталась обнять его, но он резко отстранился.

— Ты такая же дура, как и все остальные. Убейся!!! — неожиданно заорал он.

Вытолкнул ее на лестничную площадку и с грохотом захлопнул дверь. Идиотка. Впрочем, как и все бабы. Да и мужики не лучше. Каждый козел норовит присвоить себе власть господ бога и управлять чужими жизнями. Каждый придурок считает себя вправе устанавливать собственные правила игры и что-то кому-то разрешать или запрещать. Да кто они такие?!

Он ни секунды не сожалел о том, что выгнал свою любовницу, более того, точно знал, что не примет ее, если она попытается снова прийти. Подумаешь, проблема, новую бабу найти проще простого. Игорь так и не уразумел до конца, что находят в нем женщины, ведь он так некрасив, и всю жизнь он был некрасивым и никогда не обольщался насчет своей внешности, однако телки западают на него, как говорится, на счет «три». Правда, у него есть деньги, но женское внимание с ними не